

Из периодики прошлого

А. Бугаевский
Вексельная давность или преклюзия?¹

Прошло уже десять лет со времени введения в действие Вексельного устава 1902 года, а между тем нельзя похвастать ни литературно-научными исследованиями этого устава, ни разработкой его нашей судебной практикой. Последнее отчасти объясняется сравнительно удачной редакцией Устава, но тем не менее основания для контроверз есть, и последние имеются, и поэтому, думаем мы, наше вексельное право могло бы дать материал для многих научных работ. Пока же у нас имеются три издания Вексельного устава с очень хорошими комментариями: один, составленный А. И. Каминкой, второй — бар. А. М. Нолькеном и третий — А. А. Добровольским, и курс проф. Федорова. Причем первый отличается от остальных литературно-научными указаниями и ссылками на западноевропейские кодексы и литературу. В последнем отношении очень ценным также является издание нашего Устава на немецком языке в переводе проф. Нейбеккера и Кейсенера.

Одним из интереснейших, на наш взгляд, вопросов нашего нынешнего вексельного права является выше поставленный нами о том, существует ли по Уставу 1902 года особая вексельная давность или есть только преклюзивное вексельное право. В связи с этим, полагаем мы, разрешается и другой, еще более важный в практическом отношении вопрос, вправе ли суд сам возбуждать вопрос о пропуске срока, указанного в 73-й и последующих статьях вексельного устава или он должен выжидать в этом отношении возражения ответчика. В разрешении первого из указанных вопросов не все наши комментаторы согласны, второй же они разрешают единогласно в смысле необходимости возражений ответчика. Если такое мнение является последовательным с точки зрения А. И. Каминки и бар. А. М. Нолькена, оперирующих все время с вексельной давностью, то оно совершенно непонятно, на наш взгляд, в устах А. А. Добровольского, стоящего на точки зрения преклюзии.

Остановимся прежде всего на первом вопросе. Хотя А. И. Каминка в примечаниях к 73-й ст. Вексельного устава все время говорит «О начале течения срока», но дальше, на стр. 206 и 207, у него уже идет речь о давности: так, в § 6 примечания к 76-й ст. говорится: «Предъявление иска только в таком случае служит

¹ Бугаевский А. Вексельная давность или преклюзия? // Право : еженедельная юридическая газета. 1913. № 4. С. 193—205.

перерывом давности, если он надлежащим образом предъявлен»... в § 3 к той же статье: «Перечисление случаев перерыва течения давностного срока в ст. 76 должно быть признано исчерпывающим»... и т. д. Еще более настойчиво и категорически проводит свой взгляд на этот вопрос бар. А. М. Нолькен: «Действующий Устав сходитя с прежним в том, что за сроками для предъявления исков по векселям сохранено значение сроков давностных. К ним вообще применимы общие процессуальные начала, по которым: 1) суд не вправе возбуждать, помимо возражений ответчика, вопроса о пропуске истцом срока на предъявление иска (ст. 706 Уст. гр. суд.) и 2) это возражение свое о пропуске истцом срока должен доказать ответчик, который ссылается на это обстоятельство (там же, ст. 366). Прямо противоположного в этом смысле мнения держится А. А. Добровольский; основываясь на законодательных мотивах, которых коснемся позже, он приходит к тому заключению, что Устав 1902 года не знает давности, а вводит вместо нее преклюзивные сроки.

Обращаясь к тем основаниям, которые приводят А. И. Каминка и бар. Нолькен в подтверждение своего взгляда, мы находим следующее. Прежде всего А. И. Каминка указывает на то, что и в литературе спорен вопрос о том, имеем ли мы при векселях дело с давностным или преклюзивным сроком, и ссылается на Дербурга, который в отношении к германскому Уставу склоняется в пользу признания института вексельной давности. В этом отношении А. И. Каминка совершенно прав: немецкая юридическая литература, которую он имеет в виду в лице виднейших своих авторитетов: Grümhut, Dernburg, Cohn и др., признает институт особой вексельной давности. Дело, однако, заключается в том, что германский Устав дает очень мало оснований для спора в этом вопросе. Хотя и там раздаются голоса в пользу преклюзии, но они имеют мало опоры в законе.

Grümhut, указывая на особенности вексельной давности, говорит, однако, что при всех этих особенностях она не перестает быть тем, чем закон ее с ясностью и определенностью назвал, а именно давностью. И действительно, если обратиться к германскому Вексельному уставу, мы увидим, что вся XIII глава названа Wechselverjährung, т.е. вексельной давностью, а статья 77 отредактирована таким образом: вексельная претензия против акцептанта погашается давностью в течение 3 лет; точно так же дальше, конец 78-й ст. говорит о том, что «давность начинается течь» с такого-то момента и т.д.

Таким образом, мы видим, что германский Устав знает специальную вексельную давность, так именно он ее и называет, и потому нет ничего удивительного, что немецкая литература всюду и говорит о давности, и что некоторые попытки истолковать давностные сроки в смысле преклюзивных не встретили сочувствия у крупнейших ученых Германии. Следовательно, немецкая юридическая литература, как делающая выводы из своего Устава, против обыкновения, в этом вопросе нам особой помощи оказать не может, и руководствоваться ею и подтверждать ею свой вывод относительно нашего Устава нельзя, и даже больше того: как видно из мотивов к нашему Уставу, законодатель наш имел в виду постановления западноевропейских кодексов по этому вопросу и намеренно ушел от них.

Можно различно относиться к значению законодательных мотивов, но никак нельзя, по нашему мнению, не признать за вышеприведенными словами значения того факта, что законодатель наш хотел уйти от западноевропейского образца, не

хотел вводить института вексельной давности; насколько провел он свои мысли в самый закон, мы увидим впоследствии; одно же является несомненным, что руководствоваться соображениями и мнениями ученых, исходивших из закона, от которого намеренно уходил наш законодатель, не представляется возможным.

Мало того, в той же объяснительной записке мы находим критику постановлений иностранных кодексов по данному вопросу и прямо-таки боязнь употребить где-нибудь термин «давность» для того, чтобы это не вызвало в будущем путаницы и вернуло бы нас снова к вопросам, связанным с давностью как специально-вексельной, так и общегражданской. Здесь та или иная конструкция проводилась не слепо, без определенного плана, а вполне сознательно. «Смешение понятий, — говорится в объяснительной записке, — о давности и о законном сроке в иностранных уставах подает повод к многим сомнениям, именно по вопросу о том, насколько к так называемой вексельной давности применяются постановления гражданских законов о давности. Все эти сомнения устраняются надлежащим разграничением вышеозначенных двух понятий и исключением выражения вексельная давность, с отпадением которого отпадает и возможность применения к сроку для предъявления иска по вексельному требованию каких-либо постановлений о давности».

Казалось бы, что выразить свою мысль более определенно и ясно нельзя, а тем не менее после всего этого мы не только в лице большинства комментаторов вернулись снова к отвергнутой вексельной давности, но, напр., проф. Федоров, в единственно вышедшем до сих пор курсе вексельного права, уже говорит следующее: «В результате и при настоящей точке зрения Устава о векселях приходится все-таки прийти к заключению, что общие постановления о давности общегражданской должны применяться к срокам вексельных взысканий, поскольку в Уставе о векселях нет особых постановлений. Конечно, так далеко, как проф. Федоров, ни А. И. Каминка, ни бар. Нолькен не пошли и не могут пойти, но вывод, сделанный проф. Федоровым, показывает, как опасна позиция, занятая гг. Каминкой и бар. Нолькеном.

Когда видишь это резкое противоречие между законодательными мотивами и теми выводами, которые делаются большинством наших теоретиков и практиков из самого закона, невольно ставишь себе вопрос: может быть, законодатель так неудачно выразил в законе свою волю и закон так разошелся с предположениями законодателя, что, следуя принципу, не то закон, что хотел законодатель, а то, что он действительно написал, приходится обратиться к самому Уставу и посмотреть, не разошлись ли его постановления с вышеизложенными нами намерениями составителей Устава.

Раньше, однако, чем перейти к этому, мы считаем необходимым остановиться вкратце на различии тех двух юридических институтов, о которых у нас идет речь. Большинство гражданских субъективных прав не ограничено определенным временем, их осуществлению правопорядком не поставлен известный срок. Если я собственник, то я могу быть собственником и через 50 лет и это право перейдет к моим наследникам, у которых это право и впредь будет существовать без ограничения во времени. То же самое и с правами обязательственными. Если кто мне должен определенную сумму денег, то долг этот будет существовать, пока должник его не погасит. И здесь право не ограничено сроком. Если, однако, я своего

права, которое само по себе бессрочно, не буду осуществлять в течение определенного времени, то в интересах устойчивости правопорядка я могу потерять свое право по давности. Следовательно, давностью погашаются права, которые были сами по себе бессрочны. Отсюда понятно то, что называют приостановлением течения давности. Если оставление своего права в безгласности и использование его в течение давностного срока как бы наказывается потерей самого права, то нельзя подвергать такому наказанию того, кто, например, в силу недееспособности по малолетству или т.п. причин не мог осуществлять своего права.

Далее, всякое частное осуществление своего права, например принятие добровольно уплаты части долга и т.п., уже прерывает течение давности, так как налицо имеется осуществление права, а само право это такого характера, что не ограничено в своей жизни определенным сроком.

Наряду с этим, существует категория прав несколько другого характера. Само субъективное право с момента своего возникновения ограничено определенным сроком, его жизни поставлены заранее назначенные пределы, это так называемый срочные, или преклюзивные, права. Они, как говорит Дербург, созданы только на определенное время. Течение этих прав не останавливается, сроки их не прерываются, разве предъявлением иска, что равно их осуществлению. И это различие чрезвычайно важно; тогда как давность дает только право должнику на возражение об ее истечении, преклюзивное право по окончании того срока, на какой оно было создано, перестает существовать само собой, без всякого возражения, так как самого права уже нет. По отношению к этим правам никакая давность применяться не может, так как она предполагает бессрочное право. Преклюзивные, или срочные, права рельефнее всего проявляются в процессе; так, все апелляционные, кассационные и другие сроки представляют собой тип преклюзивных прав. Но такие права могут быть не только процессуальными, но и материальными, о последних у нас только и идет речь. Между тем часто смешивают преклюзивные права с процессуальными. <...>

Итак, как догматический анализ соответствующих постановлений нашего Устава, так и рассмотрение мотивов в нем приводят нас к несомненному заключению, что нашему закону не известна вексельная давность и что последняя заменена преклюзивным вексельным правом. В связи с этим, думается нам, разрешается и другая, намеченная нами выше задача о праве суда возбуждать вопрос о потере векселем силы и без возражения должников. Если наши комментаторы и расходятся, как мы выше указывали, в вопросе, что представляют собой сроки, указанные в ст. 73—75 Уст. о векселях, то все они здесь согласны, что *ex officio* суд не в праве возбуждать вопроса о пропуске срока. С точки зрения гг. А. И. Каминки и бар. Нолькена, это вполне последовательно, так как на давность, согласно 706-й ст., должна сослаться сторона в процессе, а не суд.

Странно, однако, что к этому мнению примыкает и А. А. Добровольский, который стоит на точке зрения преклюзивного права. Все они ссылаются на законы судопроизводственные и все на 706-ю статью. Никто, однако, при таком их взгляде не берется объяснить, что означают слова 77-й ст., что пропуск срока само собой освобождает от ответственности тех, в отношении к которым срок пропущен, все комментаторы в один голос говорят, что «само собой» не значит; что суд без возражения может отказать в иске по векселю, если срок пропущен, но никто из них

не объясняет, что эти слова означают. Нам думается, что, если стоять на точке зрения вексельной давности, не только нелегко, а просто и невозможно дать надлежащее объяснение этим словам. Но в том-то и дело, что закон стоит не на почве давности, а проводит идею преклюзии, а с этой точки зрения слова эти легко объяснимы, и именно в смысле, прямо противоположном тому, на котором стоят наши комментаторы.

В законах судопроизводственных, к которым отсылают нас мотивы, имеется не только ст. 706, но и 366, и 367, и 722, которые требуют от истца представления доказательств по предъявленному иску. Когда истец в основу иска кладет вексель, не имеющей никакого юридического значения, например никем не подписанный, то суд без возражения ответчика в иске этом должен отказать, так как иск не доказан. Точно то же произойдет и тогда, когда иск будет предъявлен по векселю через пять лет после срока к векселедателю или через год к надписателю. С точки зрения преклюзии векселя эти потеряли всякую силу и значение, и одним фактом истечения срока освободили «само собой» должников от ответственности. Ясно, что пред нами больше нет ни вексельного, ни какого-либо другого обязательства, а есть документ, не имеющий никакой юридической силы, иными словами, иск окажется недоказанным и в нем, в силу ст. 366, 367 и 722, должно быть отказано без всякого возражения ответчика, так как даже при заочном решении истцу присуждаются требования его только доказанные.

Точно так же, как необъяснимыми останутся, если стоять на точке зрения комментаторов, выражения «само собой», так нельзя понять энергичных слов 75-й ст.: «По истечении сроков... предъявление исков между надписателями и к поручителям не допускается». Если оперировать с давностью и необходимостью возражения со стороны противника для отказа в иске, тогда нельзя говорить о недопустимости иска; в последнем случае иск явился бы вполне допустимым, но только в силу возражения ответчика был бы проигран. Очевидно, закон не ждет возражений ответчика, а сам требует отказа в иске, если последний предъявлен после истечения срока и потери силы документом.

Наконец, и ст. 73 говорит: «Иск может быть предъявлен», что тоже по вышеприведенным соображениям не должно было иметь места с точки зрения господствующего взгляда. Таким образом, мы видим, что закон наш всегда говорит не о праве ответчика возражать против предъявленного иска, а о самом праве истца предъявлять этот иск и об освобождении лиц, обязанных от ответственности «само собой» после истечения срока. При таких условиях, если на случай предъявления иска после срока у истцов нет самого права, осуществления коего они домогаются, то нечего ждать возражений ответчика. Суд сам должен в иске отказать.

Из изложенного мы приходим к выводу, что положение, выставленное сторонниками отсутствия у суда права возбуждать вопрос о пропуске срока, противоречит и ясному смыслу наших законоположений и проводимой нашим законом идее преклюзии и что обратное вполне гармонирует с нашим процессуальным законом; иными словами, те самые судопроизводственные правила, на которые ссылаются и мотивы, и комментаторы, дают полное основание суду *ex officio* возбуждать вопрос о пропуске сроков для предъявления исков и отказывать в этих исках и без возражения ответчиков, если сроки пропущены.